

Посвящается любимой жене Светлане.

Вместо введения. Звук тишины.

Для того чтобы научиться что-то делать, надо, прежде всего, просто начать это делать. Мы можем усиленно обращаться к «старине», «древности», «архаике» и пр., но все такие «обращения» будут производить всего лишь очередные симулякры. Для обращения к чему-то тому, что было давно, необходимо включение, своего рода инициация, настройка чувств, чутья, слуха, всего тела, которое является самым идеальным ключом к пониманию какого-либо потерянного во времени состояния. Потерянного во времени понимания.

Тело. Выбитое из состояния чувствования, измятое изоляционным состоянием цивилизованности, тело потеряло чувствительность, единство с сознанием, которому оно дает (точнее, должно давать, но уже не дает) необходимые координаты времени, чувств и пространства для вхождения в иное вечное измерение, иное и со-временное всему Время-Кронос. Именно здесь и так «проявляются» фотографии архаических телесных фиксаций хронотопов, слепков, голограмм бытия, здесь и так провоцируются те состояния сознания в каждом из бесконечного ряда единых-единственных его моментов, открывающих понимание архаических первосмыслов. Здесь и так даются архаические ответы на современные вопросы «что», «как», «почему» и многие другие, на которые почему-то невозможно ответить с высоты нашей «цивилизованности».

Давайте обратимся к примеру феномена дежавю. Состояние уже виденного, уже приобретенного опыта, которое может сохраняться довольно долгое время. Но, как правило, человек не может вспомнить подробности приобретенного когда-то опыта. Одно чувство опыта. Примем, что для нас это и есть отправной пункт, который дает понимание «инициации», включения в некую «архаичную» ситуацию. «Включение» предполагает создание или обнаружение себя в определенной конфигурации пространства, для того, чтобы попасть в то время, которому она соответствует. При совмещении этих двух характеристик обнаруживается возможность постижения смысла определенного хронотопа. Проживание его. Проживание им.

Следует вспомнить, что человечество изобрело множество способов «включения» в архаический хронотоп. Грибы-галлюциногены, алкоголь, табак, наркотические растения и прочие средства выведения человека из обыденной реальности всегда применялись для расширения сознания, для расширения возможности управления реальностью, включения в нужный хронотоп, получения определенного опыта. Однако эти специфические технические средства необходимые для работы с «машиной» времени, пространства и смыслов потеряли свою сакральность при обыденном и совершенно бесполезном их использовании. Иными словами: жрец, волхв, шаман в нашей реальности стали прокуренными алкоголиками и наркоманами.

Другим, более «архаичным» способом включения является танец, основанный на движении, и на еще более «архаичном» звуке. Их тоже постигла судьба упомянутых «средств расширения сознания». То, что было эксклюзивным, священным, сакральным стало профанным. Современный человек не знает для чего танцевать. Не знает, для чего звучать. Танец стал «самовыражением» того, чего нет. Он перестал выражать то, что *пред-*назначен был выражать. Движения перестали нести изначальный впаянный в них смысл и сакральность. Звук стал мусором, шумом.

Но самое интересное включение основано на отсутствии звука.

Тишина – неестественное состояние мира. Мир вокруг нас звучит всегда. Наша беда в том, что мы его редко слушаем, редко слышим. Чаще не слушаем и не слышим. И считаем это тишиной. Эта тишина своя, тишина «от», но не «для» мысли. Это – тишина «а мне все равно...», «а мне наплевать...», тишина «да пошли вы все...». Однако разумная тишина тем и хороша, что «звенит», «вибрирует», многозначительно «говорит», иногда даже «кричит». Тишина – это начало звука, предыстория мира, его начало. Тишина – это то до- и перво- место-время-смысл, к которому следует обращаться прежде всего. Именно тишина архаична. Это чистая архаика. Это чистое и полнейшее внимание. Отправное состояние бытия, которое дает отсчет всему звуковому (мы можем называть его **временным пространством**) пространству-времени. Если бы не было его (т.е., тишины), то не было бы и звука. Не было бы того пространства-времени, хронотопа, в котором можно замереть, отдохнуть, перевести дыхание, сосредоточиться предвкушая, к которому возможно было бы вернуться, как к точке бифуркации, началу, истоку, состоянию «перезагрузки», состоянию горения пороха в гильзе и начавшемуся движению пули в стволе. Пальцы на клавише, идущей вниз, на натянутой струне, скользящей по освобождающему её пальцу, размыканию голосовых связок – еще в пространстве и времени тишины. Тишины, рождающей звук, рождающей свой смысл и смысл звука, ведь бессмысленное не может породить смысл. Пока еще тишины. Поэтому сначала было не слово. И было оно не у бога. Сначала не было бога, потому что не было слова. Потому что сначала была тишина. Пред-эйдосное состояние. Не-ничто. Чистая потенциальность – хаос. Который захотел зазвучать.

Тишина чиста изначально. Обращение к ней чревато пониманием банальности и никчемности шума. Шума слов, шума и шороха больших и маленьких, но пустых, как использованная оберточная бумага, мыслей. Чтобы узнать человека, нужно поместить его в тишину. Так как она – потенциальность, она не может длиться вечно, она должна когда-то дать рождение звуку. Но этот звук будет другого рода, он будет идти из человека. Такому человеку не страшна тишина, он звучит сам. Однако тишина может оказаться непереносимой для человека. Если он не может звучать сам, то она никогда не сможет спровоцировать его на звучание. Такому человеку нужен звук извне. Ему нужно слово, (и то, которое от бога, и то, которое бог), которое можно бездумно принимать и подчиняться ему. Здесь не будет re-ligio, так как оно предполагает единство звучащего и слушающего, а не разделение их на пусть даже божественный субъект и объект. Re-ligio предполагает тишину. Re-ligio предполагает свободу.

Материя. Пространство. Время. Варган.

Варган в той или иной форме встречается практически у всех народов мира. Инструмент простой. Изначальный. Если сравнить его звучание с художественным полотном, то ему наиболее точно подходит образ «Черного квадрата». Такого звука нет в мире в его природном состоянии. Это звук рождения мира. Перехода «черного» и «квадратного» в многоцветное и многозвучное. Момент рождения материи из хаоса.

Хаос зазвучал материей-пространством-временем. Собственно звук и есть выражение и «точка сборки» этих трех атрибутов бытия. Поэтому в начале был звук. Чистый звук. И если Бог есть слово, то он появился гораздо позже. Так как слово есть модуляции звука и пространства.

Вибрация есть присутствие движения. Эта вибрация проходит от самого начала до сих пор, она будет звучать до конца времен. А возможно, и после этого. Варган – своего рода ключ, средство включения в эту изначальною негэнтропийную вибрацию. Архаический звук. Он заставляет звучать все тело человека так, как оно и должно звучать. Предназначено звучать. И когда вибрации тела совпадают с изначальноными вибрациями, тот вибрирующий кусочек материи, который представляет собой тело человека, замирает в шоке, в экстазе понимания трансформации пространства к начальному состоянию, в

ощущении иного движения времени, причиной которого стал кусочек гнutoго металла с вибрирующим язычком, прижатый к зубам. Собственно, тело – это уже не тело, это расплавленное пространство не имеющее ничего с плотью. Это чистый синтез человека и до-, пред- мира. Тело – хаос, тело – потенциальность, тело – звук, тело свобода, заражающая своей вибрацией весь мир.

Невозможность изначального звука приводит к расщеплению, расползанию его граней, артикулируемых словами – суть, ложью, так как это совершенно условное разделение звука-архэ на такие составляющие как материя, пространство и время и есть ложь. И если слово есть бог, то он есть ложь, ложь пересказа бытия. Как можно разделить неразделимое, тем более словами, тем более на слова? Можно только попытаться отразить своими, достаточно скудными, средствами понимание единости и разнения. Звук варгана – еще не разделение, еще подготовка к нему. Очередная ступень-степень очистки от последующих наслоений бытия. Звенящее напряжение и белое каление звука, снимающие «окалину», мусор. Металлический привкус чистой крови бытия, не терпящей примесей. Как можно рассказать вкус крови?

Здесь появляется язык, уже различимые расслоения и трансформации звучащего пространства, ритм, трели, капель, первые «ай-яй-яй», «ой-ёй-ёй», рождение эмоций. И самое интересное – понимание своей неисклyчительности. Осознание причастности, осознание кого-то рядом. Варган – средство осознающее, провоцирующее и начинающее коммуникацию, которой не нужны слова. Слова – это всего лишь достаточное, но не необходимое средство коммуникации, ее побочный продукт.

И если Бог это слово – то его создал варган.

Я. Горловое пение.

Человеческое, слишком человеческое. Это – я. В мире, в звуках. Это – Я. Я звучу. Я часть той силы, которая составляет бытие. Это сила звука, сила музыки, которая ведет меня туда, куда я хочу. Горловое пение это сила звучащего человека. Он звучит сам, сам чувствует и производит, и воспроизводит силу бытия, свою силу, силу звука, двойное, тройное пространство. Разложение пространства на слои, в каждом свое время и движение, отражение и единение слоев. Сдвиг временных пластов пространства и их взаимопроникновение, единение дает знание прошлого и будущего. Звук перебирает мгновения времени, словно четками, играет ими так, как ему хочется, составляет из них мозаику, создает миражи, коллажи из кусочков времени и состояний, меняет мимолетные картинки калейдоскопа осколков пространства смыслов и звуков. Мнемосина поет, звучит, втягивая неумолимый Кронос в свою игру, провоцируя его на воспоминания. Кроносу нравится этот звук. Звук начала. Поэтому звук знает всё. Поэтому я – шаман.

Я могу до бесконечности растянуть звук мгновения. Собственно, звук и есть бесконечность. Я могу говорить с другим миром, миром духов, я знаю их язык. Я могу говорить с богами, я знаю их язык. Я могу говорить с пространством – Хухе Мунхе Тенгри, я знаю его язык. Я сам – звук и пространство этого мира и мы звучим в с ним унисон.

Звук рождается в тишине – изначальном чистом источнике, поэтому сам чистый. Поэтому тишина очищает, звук очищает. Отношение к изначальному рождает чувство сакрального. Чувство чистого. Я должен быть чистым, ведь я – голос этого мира.

Артикуляция звуков, слов, смыслов – изменение, игра конфигурацией, точками пространства. Начало топологического о-смысления мира, верх и низ, голова – грудь. Верхний резонатор – нижний резонатор. Один голос, второй голос, и их соединение – третий голос! Навь – явь – правь. Разве я не всемогущ, управляя звуком? Услышьте меня! В моем голосе земля, степи, озера, леса. В моем голосе горы, небо, облака и солнце. В моем голосе шелк травы, шепот костра, вкус молока и туман. В моем голосе вечность,

нескончаемый круг, возвращение к истокам, очищение. Я везде и во всем. Поэтому я – человек.

Звук голоса расширяет сознание, расширяет тело до краев мира. Мир – мое тело. Вариации звука – это вариации равновесия: сознание – тело. Звук внутри меня – движение тела, единого с сознанием. Я нахожусь постоянно в точке равновесия верха и низа, сознания, духа и тела. Я – точка равновесия мира. Без меня он рухнет.

Топология. Горы. Хор.

Многомерность голоса отражает многомерность пространства и звука. Топология хора не отражает ландшафт местности, она его обволакивает, ошупывает, как туман ложится на долину. Как облако покрывает далекую снежную вершину. Собственно, можно сказать, что эффект объемного звучания – это не изобретение современной технологии, его «изобрели» горы.

Звук хора заставляет звучать каждую точку пространства. Звук, состоящий из множества отдельных нот, обкатывается певцами хора во рту, как пригоршня потрясающе вкусных леденцов. Его рассматривают как танцующую красавицу. В него, как в чоху, одеваются. Им, как кабади, укрываются. Его, как цаги, примеряют. Его, как остро наточенный кинжал с серебряной насечкой, вытаскивают из ножен. Его растят как виноград, он льется как свежавыжатый виноградный сок, он пьется, как дорогое вино. Он пахнет испеченным матерью шоти, шашлыком с нашраби, жареном на старой виноградной лозе, да мало еще чем! Разве вы никогда не слышали грузинский хор?

Горы, узкая улочка, мощеная булыжником. Каждый камень отдельно звучит своим тоном, каждый по отдельности теряет свою изначальность, скатываясь с горы в реку. Каждый в отдельности – всего лишь камень. И только вместе, соединившись, слившись в каменную реку-дорогу, они зазвучат хором, и понесут тебя домой – это единение на новом уровне. Это большая семья. Один из древнейших архетипов. Каждый из камней, из которых составлена дорога к дому – твой отец, мать, брат, сестра, сын, дочь. Весь твой род от первого до последнего колена. Поднимись повыше, и ты увидишь всю дорогу, вымощенную поколениями. Ей нет начала и нет конца. И каждая нота – ничто без другой, и каждая нота звучит только в хоре. Каждая живет, и в каждой ты видишь родственника, даже того, самого далекого, которого не знал ни ты, ни твой прадед. Вязь низких и высоких голосов, нот, старых и молодых, далеких и близких, живых и давно ушедших, но звучащих в разверзшемся между гор пространстве. Эта вязь родового тела-булата, которого никому и никогда не сломать. Этот хор – пространство живого, вживание в пространство. И мы уже не просто слушаем хор, мы идем по дороге, мы обнимаем каждого родственника и разговариваем с ними. Они здесь все, в этом хоре, они окутывают все пространство своим звуком со всех сторон. Они – моя защита, моя Родина. Хор – крик воинов, защищающих свой кров, рев идущей в наступление фаланги, это звук священного, того, что мужчина, воин никогда не отдаст врагу. Это драгоценный звук бегущей в жилах крови. Разве можно не любить этот хор? Разве можно не чувствовать восторга от единения с ним? Разве можно звучать отдельно от Родного?

Хор – это дело мужчин: «... я вижу перед собой весь род свой, от первого до последнего колена, они зовут меня...»

Настроение. Дудук.

Когда человек захотел быть равным богам и говорить с ними на их языке, он создал дудук. С тех пор он поет с богами вместе. А иногда – лучше них.

Физическая терминология не отражает все планы звучащего бытия. Звук не просто разворачивается во времени, во времени разворачивается понимание бытия – эмоции. Живое подвержено эмоциям, настроению. И нам оно открывается только руководствуясь своим настроением, а не нашим желанием. Философия без эмоций становится

препарированием мудрости, несмотря на то, что называется любовью. Многие в философии является мертвой логикой, а не живой любовью. Схемами, а не живописью. И мы учимся постигать пейзаж через натюрморт. Сократ, всю жизнь постигая живую философию, учился умирать. Так что же у нас за философия, что мы, постигая ее, учимся жить? Деремся за жизнь. Выживаем. Философы, вы можете умирать? Вы знаете, как умирать? Вы учитесь умирать?

«Натюр» «морт», мертвая природа. Может ли мертвое звучать? Оно – не конец. Это потенциальность затухающего звука. Те, кто знаком со смертью, знают это. Натюрморт это эхо пейзажа, смерть как эхо жизни. Эхо живет своей жизнью. Отраженной. Мертвой. К сожалению, философия – эхо жизни. Эхо первое говорит об отсутствии жизни, о невозможности существования, эхо – процесс умирания звука. Оно освобождает чистую эмоцию грусти о жизни, начало эмоции. Удивление от иного состояния звука, а затем – тоску по уходящему звуку, по уходящей жизни.

Дудук – это способ «сфотографировать», и таким образом растянуть до бесконечности мгновение. Неважно какое, грустное или веселое. Он вынимает радость или грусть из бытия, и они бесконечны, потому что бытие бесконечно. Мгновение бесконечно. За его бесконечность отвечает дамкаш. Выражение живым звуком, произведенным палочкой из абрикосового дерева, уходящего звука, его умирание, пережитое, опыт, тоска, доля, predeterminedность, то, что должно, но не случилось. Дудук это живое эхо бытия. Он – вернувшийся из смерти. Знающий, зачем вернулся. Те, кто знает, зачем умирать и как умирать, знают как вернуться и зачем возвращаться. Ведь теперь он говорит. Знает, о чем говорит. Посмотрите на себя, говорит дудук, посмотрите внимательно, и не отводите глаза, не стесняйтесь того, что увидите в себе, не стесняйтесь и не сдерживайте слез. Я говорю об очень старом, изначально человеческом. Зачем вам новомодное перемывание своих мелочных недостатков и комплексов? Психоанализ это всего лишь игра уровнями сознания на границе духа и плоти. Я – плоть мертвого дерева, дающая жизнь звуку, мой звук – живой. Он – живая философия. Я – поющая, стонущая граница жизни и смерти, крайняя степень разомкнутости, открытости, включенности в бытие, крайняя степень чистоты и, парадоксально, узел бытия, его поворотная точка. Разомкнутость бытия как рана, источает кровь. Кровь поет сладким голосом абрикосового дудука. Звук это кровь бытия. Неужели вы его не слышите?

Ты убийца, дудукист, ты балансируешь на границе жизни и смерти. Ты извлекаешь звук из их соприкосновения. Сначала ты убиваешь обыденность и касаешься вечности. Но не можешь ее сохранить, потому что смертен сам. Где еще остается звучать голос крови, если не в нас? Ты вынимаешь из нас сердце, заставляя его кровоточить эмоциями звука. Очищаться. Ты убиваешь покой и отстраненность от мира. Ты рождаешь включенность, рождаешь философию. Благодарю тебя, дудукист.

Если вы хотите понять, что такое человек – послушайте дудук.

Если вы не знаете, как молиться – послушайте дудук.

Если вы не слышали голоса богов – послушайте дудук.

Объем. Эрос. Ситар.

Завиток, еще завиток, раскрывающийся как цветок. Сладкий звук тлеющего фимиама. Акустическая топология пригоршни жемчужин, сорвавшихся сразу всех с порванной нитки, отскочивших от пола и замерших в апогее полета. Как прочувствовать это состояние полета и невесомости, состояние дыма? Состояние многомерности? Не надо простить это мгновение остановиться! Его остановит ситар.

Сладкий звук тлеющего фимиама, завитки дыма ароматической палочки как завитки древнего письма. Эти переходящие друг в друга таинственные знаки-буквы древнее всего. Дым неторопливо пишет зыбкие письма древней истории того, как было с самого начала. До начала времен.

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Дым говорит словами и голосом древнего Эроса. А ситар переводит его слова в звуки, которые мы можем услышать, музыку, заставляющую тело звучать танцем, шепот кончиков пальцев, скользящих по стонущей от наслаждения коже. Движения танца – сменяющие друг друга буквы какого-то древнего текста. Связывающие звук с чистым листом Кроноса. Связывающие людей, события, связывающие материю и пространство, бытие и время. «Сплетенье рук, сплетенье ног, судьбы сплетенье», сплетенье судеб, того, что было и того, чего никогда не было. Это сплетенье-вязь красоты букв и красоты звуков касид аль-Аша, Марвази, Абу-Темама, Аль-Мутанабби, рубаи Хайяма. Это рассказ ужасающе древнего и потрясающе молодого Эроса, влечения к жизни, влечения к красоте, влечения к гармонии мира – справедливости. Поэт пишет этот текст своим телом, своей жизнью. Танцор слышит его всем своим телом, создавая жизнь.

Знаки Эроса воспроизводятся вибрацией двух соединенных тел. Их танцем. Их топологией. Расположением в пространстве. Их взаимопроникновением. Их звучанием, их шепотом, их стоном. Их перетеканием из одного знака-буквы в другой. Одного ощущения в другое. Одного чувства в другое. Это письма Эроса. Они читаются всем объемом тела-микрокосма. Здесь еще нет разума. Он родится позже, потом. Здесь он не нужен, здесь нужны чувства, здесь нужны ощущения, растворенные в многомерности сладкого вьющегося дыма Кроноса. Нирвана, как черная дыра, тянет в себя всё, что сама же исторгает. Если когда-нибудь разум и родится, то только тогда, когда закончится этот *sensual feast*. Пир чувств.

Все звуки в поле Эроса – это связывание, соединение, притяжение, желание, влечение, любовь. Нет никакой любви помимо той, что явлена «между вечными всеми богами прекраснейшим». Все ее производные – в его поле. Его музыка – жадный, пьющий воздух, как сладкое вино, вдох. Его музыка – горячий, отдающий жизнь выдох. Его музыка – возделенный глоток, мягкое касание, возвращающее жизнь чувствам. Его музыка – неуловимый запах, чувство присутствия, след, *scent of* чего-то манящего, тревожащего, еще не женщины, еще не мужчины – другого, но такого близкого и сладко-томящего Я. Второй половинки, звучащей в гармонии резонанса. Ждущей единения, понимания. И её инструмент – ситар.

Coda.

О. Хаксли как-то сказал, что христианство совершило ошибку, когда позволило танцу стать полностью светским (если продолжить эту мысль, то можно сказать, что это не единственная из его многих стратегических ошибок). Однако эта ошибка была неизбежна, потому что танец – это один из феноменов человеческого бытия, отсылающих человека в глубокую архаику. А это – как раз то, к чему нынешние религии совершенно не стремятся, стараясь наоборот, создать «человека, не помнящего родства». Таким образом вскрывается не религиозный, а идеологический дискурс.

Хор, поющий в церкви, хор, поющий религиозные произведения на сцене, в своем «воспроизводстве» звуков и смыслов, в математических терминах, похож на луч, исходящий из точки-начала, устремленный куда-то вперед и вверх к декларируемому «божественному». Даже многоголосые, пространственно-генезисные, ориентированные на вневременное звучание хоры народов Кавказа становятся звуко-местячковыми,

теряющими отношение к Кроносу, «пахнувшими» и «звучащими» модерном в старинной этнической оболочке, когда поют религиозные произведения. Создается такое впечатление, что из древнего монолита пространства-времени-звука-смысла-хора вынули и заменили на искусственную подделку что-то такое, без чего этот созданный в веках, как драгоценный алмаз, монолит сразу теряет всю ценность. Архаика подменяется реконструкцией. Без понимания изначального опыта. И остается только форма. Ведь такой хор не может и не должен быть лучом, не имеющим прошлого. Он должен быть прямой, идущей из бесконечности, неподвластной человеческому разуму, родившейся вместе с ним, и уходящий вдаль, замыкая бесконечный круг. Круговорот.

Сила представляемых за архаику и традицию социально-религиозных симулякров – в том страхе, который они в себе имманентно содержат. Этот страх маскируется под «любовь». А такая подмена не может существовать долго. Разум либо сдается «на милость» догматической вере, либо побеждает ее, рассеивая страх. Учитывая это, становится актуальным возрождение и возврат в социо-культурное пространство механизмов, ответственных за воспроизводство архаических смыслов. Именно исходя из этого я считаю возможной активизацию феноменов *человеческого*, утративших свою онтологичность, превобытийственную сакральность, свой первоначальный смысл. По-видимому, нам пора заново учиться слышать музыку крови, звучать вместе с миром. Проживать архаику танца. Опыт танца. Хотя это опыт и, возможно, тема уже другого исследования.